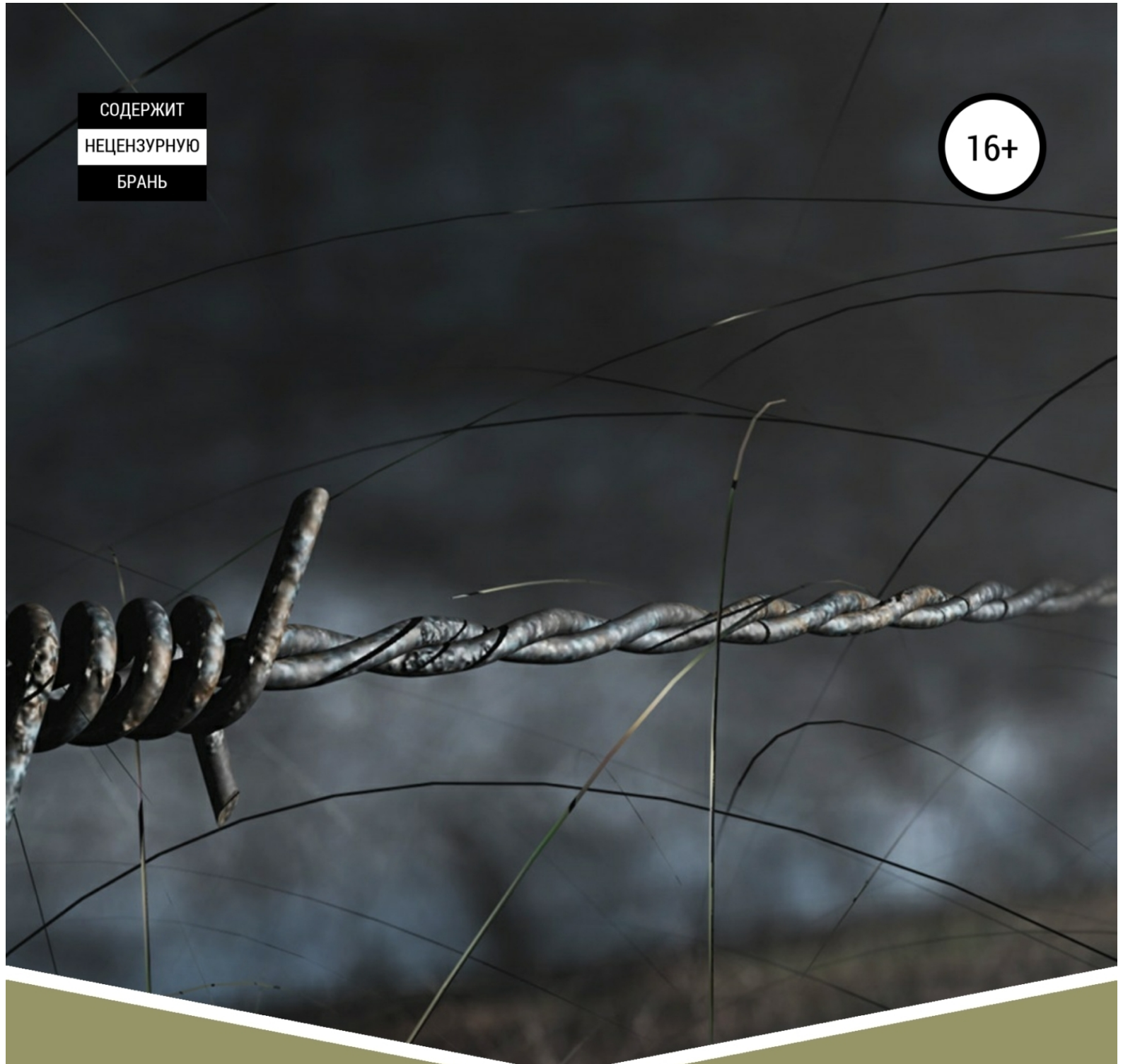

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

16+

Никита Кларкчев
Линия Разграничения

Никита Кларкчев
Линия разграничения

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кларкчев Н.

Линия разграничения / Н. Кларкчев — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Окунитесь в мир изрытых траншей. Колючей проволоки, протянутой поверх поверженных тел. Под свист бомб, под грязные речи милитаристской пропаганды, столкнувшей лбами два никогда и ни за что непримиримых лагеря. Ежедневно гибнущих. Наплевавших на себя, отнявших будущее у молодых поколений, готовя из них солдат, преследуя цели тотального уничтожения и установки единственно верной идеологически власти. Всё это в реалиях дизельпанка, действительности непрекращающейся ни на минуту войны, позволяя взглянуть на «неё» под двумя радикальными углами: Якоба и Элизы. Каждого по-своему – сторонников враждующих лагерей, на судьбу коих падёт нелёгкий груз. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Стяг Конфедерации	6
Прекрасный новый день	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Никита Кларкчев

Линия разграничения

«Война – эволюционный тупик, она глупа и расточительна. Уничтожая то, что можно было взрастить или давая почву тому, что нас уничтожит»

Стяг Конфедерации

В падении мерзко просвистев, остриём конической формы проломив крышу двухэтажного дома, бомба с тугим отзвуком разорвалась. Сотворив совместно со взрывной волной огненную тучу, высвобождая силу, вырывающую с подлинными корнями основания стен и разметая составляющие. Вот так, завершился обыденный ночной рейд ударной тройки, что на прощанье, покидая пределы видимости прожекторов и секторов поражения расчётов зенитных орудий, накрены в бок, нахально помахивая крыльями.

Улетая прямым к будущему рассвету. Прочь от темноты улиц, глубины воронок разорвавшихся бомб, над нависающим высотным зданием, где обугленными при пожаре буквами, складывалась надпись – “Служба Благонадёжности”. Из-под накрённого в необычной степени угла карниза, проворачивался вот уже двадцать пятый раз стартер зажигания, раздаваясь бурканьем, за коим, осветив дорогу показался сероватого оттенка микроавтобус. Небрежно запаянные провода, внушительная установка в виде блюда на крыше, что наклонена в шестьдесят пять градусов.

Хлопнула дверь и испутив тёмный сгусток едкого состава из выхлопной трубы, со скрежетом от колёс и поскрипыванием громкоговорителя, автобус заторопился разъезжать. По пустым улочкам, оставленных вследствие боевых действий районов и мало обитаемых проулков шестиэтажек, явно запаздывая от чётко установленного графика, нечаянно перещёлкивая кнопку регулятора микрофона.

“Добрые жители Конфедерации – крепитесь!”

Уставшим от ежедневного повторения, но с непоколебимой самоотдачей вещал один из двух пассажиров транспортного средства и на деле единственных участников дорожного движения. Разве что, не считая за таковых подбитого в бок, так и оставленного вылезшим и сбросившим правую гусеницу на пол дороги огнёмётного танка. Или поодаль, в стороне у искусственно воссозданного кювета, с лежащей там тяжёлой самоходной гаубицей “Молот”, со снесённой на десятки метров от основного корпуса башней и подающими топливо баллонами, благодаря подрыву боеукладки.

“Наша общая великая битва ещё не окончена. Всё только началось! Всё только впереди! Грядут великие сражения, великие победы и общий крик радости”.

На “радости” вестник подавился собственной слюной и закашлял.

Если кто и слушал эту трансляцию в такую глубокую рань, прямо сейчас, они бы смогли тотчас заметить, как едва стоило вестнику откашляться, избавившись от назойливо-скапливающейся у горла слюны, второй – его напарник за рулём, поспешил напомнить: – «Ну давай, давай. Пора уже». И как положено здесь, заместо традиционного будильника, поначалу грянул искорёженный гимн. В последующие минуты и попытки привести в чувство сбоящую аппаратуру, доселе смазанные и неразборчивые голоса обрели достойное звучание в нескольких мужских и женских высоких тонах, распевая:

“Славься и славься, сквозь пожары и грозы! В нашем выборе огромное счастье наши. Слава народу, слава отчизне, слава той силе, сплотившей здесь нас!”

Возносясь в каждый двор, каждый закоулок, с эхом проникая сквозь дыры стен и потолков, до краёв густых облаков, скрывая от посторонних глаз летучий дирижабль-авианосец.

Но, пришло время проснуться. И со стукотнёй работы поршней дизельных двигателей, вместе с вонью выхлопных газов, оседающих на поверхности распространителя, протягиваясь густыми оранжевыми облаками, непосредственно к каждой задействованной энергоцепи. Каждого уцелевшего столба и будки реле, по городу разливалась живительная и так необходимая сила электроэнергии. Вдыхая жизнь в портативную, стоящую на тумбочке музыку нового дня, под красноватые радуги вспышек на горизонте.

Разрывами бомб, залпами сверхзвуковых систем миномётного огня и грохота супертяжёлых гаубиц, сотрясая вместе с этой музыкой само основание земли. Встань кто на два часа раньше, да сумей через окно в темноте разглядеть одну из подобных систем. Где, при помощи подталкивания и ручной тяги из шести человек, компактная сборка на своих двенадцати ножках осторожно перебирает почву. Переступает лежачий камень, вскакивает на невысокие возвышенности, препятствия. Наподобие землеройки самостоятельно агрессивно закапываясь в ту местность и то место, что наиболее всего подходит ради ведения огня или командного голоса офицера расчёта.

Затем разворачиваясь, выставляя из острых углов пулестойкого покрытия трубки, режим подачи снарядов и ручки наведения. В продолжительной практике, используя эти полуразумные машины разрушения, не чураясь каких-нибудь этик или кодекса ведения войн. Нередко избирая для защиты собственной позиции угловые и чаще жилые постройки. Осуществив с подобной позиции залп, немедля все шестеро разбегались в разные стороны, оставляя вдающийся в задумчивые думы автоматический миномёт, опасаясь стать жертвой ответного огня.

Ну а далее, хохот, радостные крики и проклятия смерти если пронесло. А если нет, опустошив боезапас, миномёт самостоятельно возвращался к месту пополнения комплекта, затягивая на собственном кабеле питания останки неудавшихся наводчиков.

Всё это в одном конфликте, одной неприметной на мировом глобусе и фактически не граничащей линиями контурных карт мультинациональной страны. Когда, посредством многолетнего пропагандистского просвещения, внутренних распрей и искусственно поддерживаемого политического кризиса, сильные мира сего, добились должного эффекта. Даже не ударом, а шелчком пальцем расколов добрососедские отношения шести областей, разделяя людей на сорта, сословия, политические и социальные взгляды, под страхом смерти узнай об уровне зажиточности или высказываний другого.

Можно обратиться к всякому, и тебе подтвердят слова о лживых журналистских расследованиях, подставных людях, что по телеприёмникам и радиостанциям с невероятно честными глазами рассказывали о межнациональных и межконфессиональных зверствах, трагедиях, убийствах. Хотя стоило перепроверить информацию, как оказывалось что того или иного события “Т”, как, собственно, и человека “Р”, никогда в принципе не существовало. В неискраемом пожаре обоюдной ненависти, воссоздавая двух практически не контролируемых, до невозможности непримиримых противников, тотчас со всей силой безумия вцепившихся друг другу в глотки.

Громкоговорящей, созданной под свист и аплодисменты людей, что ранее питались тяжёлыми напитками, ведя асоциальный образ жизни – “Свободной Конфедерации”. Объединённого сплава из захваченных разношёрстными бандами городов. Управляемое независимыми полевыми командирами, что за неделю до своей логичной кончины, в независимости от естественных причин или сговору тех или иных лиц, обрастали всегда чуть ли не легендарной славой. В их честь устраивали показательные похоронные марши, телеприёмники целыми днями крутили жалостливые сюжеты о жизни и жизненных свершениях этих героев, пока опустевшие

кабинеты прежних хозяев, занимали более проворные и умные, в отличии от умерщвлённого человека.

А как насчёт нестабильной, с той же неиссякаемой ненавистью к оппоненту по региону – “Демократическому альянсу”, не позволившего погрязнуть бывшей столице вместе с наиболее крупными городами в жаре огня конфедеративного разгула. Наиболее влиятельные высшие военные чины, низвергнув президента и приостановив работу парламента, тотчас опёршись на большинство, объявили в подконтрольных регионах военное положение. Власть военного диктатора, не знающая самого слова отказа, будь ты за или против в сей братоубийственной войне, рано или поздно, но тебе придётся сделать выбор стороны.

Возвращаясь обратно, на расстояние десяти с лишним километров от прифронтовой зоны, где теперь не видны длинные пулемётные ленты трассеров, автобус завернёт в свой последний круг. У улицы кедровой рощи, дом двадцать один с маркировкой “А”, пустившись в повторение, помогая кому-то в сих словах отыскать уверенность и поднять дух, в иных вызывая проявление глубоко спрятанных от чужих глаз слёз страха и безнадёжности. Примерно за час-полчаса до рассвета, проезжая мимо одной неприглядной шестизэтажки с громадными трещинами и выбоинами от попаданий снарядов. Большинство не разрываясь, а прошивая верно тонкую ткань, вместе с собой, наружу унося и всё содержимое в местах поражения. В завершении, на новый лад замычав старым, но известным мотивом:

– Добрые жители Конфедерации! Помните, что только путём самоотдачи и самопожертвования мы сумеем изгнать ту нечисть, что покусилось на наше имущество, наши земли. На наши права и свободы. Они кричали – нам нужны рабы...

Под нескончаемо льющуюся истерию, в состоянии пробудить не то, что живых, но и даже намертво спящих, Элиза тем временем спокойно готовилась к выходу из дома, заплетая хвост и покрывая голову платком. Через шею и на другую сторону плеча, перекинув ремень сумки, сунув во внутрь один единственный, выторгованный за пару консервированных банок фруктов и кожаный кошелёк, учебник по терапии.

Взявшись обеими руками, она отодвинет засов входной двери, выйдя в осыпавшийся и выдавший лучшие дни подъезд собственного дома. В очередной раз, сдерживая данное семь месяцев назад слово, Элиза дёрнет дверную ручку квартиры, напротив. Надавит сильнее, едва потянет, чтобы быть до конца уверенной в исключении возможности взлома, хотя, что в наше время можно украсть? Удосужившись, не торопясь, спускаясь вниз.

Однажды, она уже старалась выкинуть это из головы. Правда всякий раз, стоит ей задуматься, как вот перед сном или в минуты полноценного покоя, всплывал из памяти образ. Голос тихого и дружелюбного ко всем соседа, профессора высшей экономики Никольского. С его приятными и главное понятными любому историями экономических моделей работы предприятий, возможностей решения кризисных ситуаций при санации организаций и детального расписания затрат бюджетов семей. Прежде, чем быть насильно отправленным туда, о чём вам никто и никогда не скажет вслух. Вломившись рано утром к спящему в квартиру, реже, не на виду у всех, а подбирая на улице. Когда не понимающего в чём же конкретно проблема седого с узенькими очками профессора, под обе руки насильно затаскивают в спецтранспорт. Крепкие люди, с не менее крепкими магазинными самозарядными винтовками, волокут тебя прочь.

– Я вас прошу, позаботьтесь о моём имуществе. Я ещё обязательно вернусь. – вымолил профессор, в последние секунды схватившись за фартук вышедшей на шум Элизы.

Он так верил, так надеялся, хотя и отчётливо по одним только глазам всё прекрасно осознавал. А вместе с ним и все остальные. Выбери любого, никто бы не посмел заступиться за такого человека. Скривившись, предположив, что якобы выявили и схватили очередного опасного рецидивиста. Вора, может быть шпиона наводчика, чья участь окончится в печально

известном всем и в пол голоса произносимом – “Подвале”. Откуда не возвращается никто и только посмей открыть свой рот, возмутиться, перегородить дорогу, поднять волнение и резонанс. Как те же самые защитники, brave парни из простреленных и сгоревших баннеров, используя единственный предлог, а чаще обходясь кулаками – освобождения жилья под нужды Конфедерации, вывезут паникёра, а вместе с ним и всех домочадцев в поле. Ну а дальше...

Страшное представление о первых месяцах после раскола.

Ликующих и машущих флагами собственной, только что образованной, но никем не признанной и непризнанной страны. Во всех густо посещаемых людьми местах, трибунами с новоиспечёнными лидерами. Горланящих в микрофоны, дающих напутствия, что многие восприняли, как разрешение на разграбление банков и магазинов. Вежливо-вооружённого заимствования машин у их владельцев и самой обыденной, человеческой завистнической мести, в первую очередь в сторону тех, кто не разделял всеобщей точки зрения.

Проделав самый точный, дельный, направленный прямым в головы простых людей расчёт – они, никогда не станут задаваться сложными вопросами. Все эти: действия расчётов экономики, финансового обеспечения, социальных гарантий и оборота капитала. Лишь со временем и только исключительно некоторые, кто действительно понимает ошибку, осознают патовость происходящего вокруг.

Но уже поздно. Никто точно не скажет, не сможет быть уверенным в своих словах – кто ударил первым? Кого винить и когда готовить громкий судебный процесс? Левая это была сторона или правая, всё в прошлом. Изрыв улики траншеями, отравив свидетелей горчичным газом, разматывая поверх тел катушку колючей проволоки. И нету ей конца и края, только стороны.

Где, в это время по одну из них, подальше от режущего плоть заграждения, бодро пропустив оставшиеся этажи и выходя через скрипучую двойную деревянную дверь подъезда, Элиза повстречала группу людей. Эту основу, костяк. Недружелюбно настроенных, поднимающихся куда-то в район второго этажа, возможно “призвать” Никола. Говорят, что с началом конфликта, его отец перешёл на ту сторону, а значит автоматически стал врагом. Противником по умолчанию, в состоянии распространять лживые сведения здесь. Завербовать семью, родных, друзей или просто ничего. В условиях закона, крепко сжимающего в ладонях пистолет пулемёт с продольным магазином на сто двадцать патронов, трудно что-то противопоставить.

Потому, Элиза решила лишний раз не испытывать судьбу, уведя свой взгляд с формы и лиц, куда-то под ноги, спешно зашагав прочь. Отгоняя увиденное и обдумывая варианты развития грядущего долгожданного дня учёбы. В единственно уцелевшем, во времена самых горячих близ города боёв, учебном заведении.

Противоборства мало вооружённых банд, иногда техники, за нередким случаем гражданской, коей ради брони навешивали листы стали, устанавливая на кузова сдвоенные пулемёты. И так уж сложилось, не успей Элиза преодолеть и половины запланированного пути, навстречу к ней, из-за поворота застучали покрывки броневика. Орудийная башенка была направлена в сторону скапливающихся грозových туч, замечая одинокого гражданина молодой Конфедерации, так подозрительно рано оказавшегося на улице. Прибавив скорости и наконец съехав к бордюру, перегородив Элизе дальнейший пеший путь, к глазам тотчас бросилась одна неллицеприятная надпись – “Служба Благонадёжности”.

“Это всё!” – мелькнуло в голове Элизы. Она судорожно зашуршала руками по сумке, карманам пальто, стараясь побыстрее отыскать заветный документ. В представленное время откинулась дверца броневика, а вслед за ней, точнее за тем человеком в униформе городского типа, тянулась длинная и дурная слава. В первую очередь самого ведомства благонадёжности,

прослывшего в народных кругах за счёт похищений, уводов на допросы и как правило дальнейшего невозврата, подозреваемого из казематов.

– Ваше удостоверение личности. – немедленно и в приказном порядке, обратился к Элизе, этот достопочтенный в форме.

То и дело пристально поглядывая на небо, наверняка побаиваясь резкого дневного налёта, хотя и подобного уже не наблюдалось с месяца. Наконец пальцы девушки нащупали долгожданную бумагу, с лёгкой дрожью и предпочитая не смотреть в глаза, передавая документ. Естественно, брать у неё было нечего, собственно, как и обвинять в чём-то. Детально изучив информацию, просмотрев штампы посредством карманной лупы, было задано с десяток дежурных фраз: кто, куда, откуда, да зачем и почему так рано? Затянувшаяся на безлюдной улице беседа, ничуть и в особенности никуда не торопила старшего капрала, подбираясь к вопросу нахождения обычной девушки в самом обычном месте, с иной точки зрения:

– Вчера погиб один из героев. – с печалью в голосе, но непередаваемой фальшью гордости, в отношении человека, которого он никогда в жизни не знал, старший капрал покосился на грядущую реакцию Элизы.

– Сожалею. Мы все сожалеем. – исправится она. – Вся наша семья убита горем.

Разумеется, любой адекватный человек, собственно отдающий себе отчёт в действиях, сразу мог понять – это, неправда. В то время, как разговор перешёл к перечислению достоинств погибшего и согласного поддакивания в виде кивков Элизы. Касаясь печально известного тридцати семи летнего мужчины, чьё истинное имя, так навсегда и останется за ширмой истории. В широких кругах, более известного под прозвищем “Малуя”. Если верить газетам: “...не сумевшего храбро пасть в бою, будучи подло застреленным в спину трусливыми диверсантами и предателями. Спи спокойно брат, мы отомстим!”.

За этим известием, минуют полторы – две недели, нагнанные ради репортёров местных газетёнок бюджетники и те, кто согласились участвовать в шоу за пакет крупы и масла, прольют достаточно слёз. В полной мере показательных рыданий у открытого гроба и венков, протаскивая посиневший труп по главной измождённой разрывами бомб площади прежде, чем вскроются некие омерзительные подробности.

Душегуб, торговец людьми, садист...

– Это до невозможности болезненная утрата. – добавила Элиза к своим предыдущим словам.

Впрочем, и добавлять ей было более нечего и незачем в принципе.

Основные и главные тесты удачно пройдены, уровень подозрения спал, заполучив назад документы и одобрительное опускание кокарды на нос. Уже придерживая рукой дверцу, сейчас захлопнуть, так невзначай произнеся:

– Слава Конфедерации! – хмуря брови из темноты броневика показались два глаза.

– Власть народу.

Был дан тихий отчётливый ответ Элизы, ещё раз устремившей глаза вниз, пытаясь более не провоцировать ни на какие вопросы или непредвиденные события. Идя вслед за затарахтевшим броневиком, потому что ей именно в ту сторону. К обрушившемуся общежитию, куда угодил бетонобойный снаряд пушки типа “АрО” Прохожей части из осколков стекла и частичками стен. Поодаль от завывающих сквозняком оставленных зданий, посматривающих вслед за одинокими прохожими из своих облезлых стен и растащенной, кто куда утварью опустевших квартир.

Скрывая громаднейшее пространство пустыря, пока не понимающая в чём конкретно дело девушка, расправляла своё в преддверии выглаженное платье. Посечённая крохотными щербинками местность, левее в метрах ста от пустыря всегда закрытую плотным расположением зданий запрапочную станцию, откуда самые благонадёжные граждане заранее слили топ-

ливо во времена вседозволенности. В качестве платы, а может и наглости поступка, оставив у счётного аппарата кассы пять стальных.

И вспомнив в чём конкретно кроется суть ситуации, Элиза, позабыв об обыденности разрушений, обратила внимание на кучки осыпавшихся плит. Развалины соединений корпусов, с торчащими из земли штырями арматуры, дыма, море воронок и... крик. Нет не Элизы, какой-то иной девушки, прибежавшей сюда раньше. Минут на двадцать, тридцать раньше. Не жалеющей себя, через пот, кровь и боль, отчаянно разгребая руками завал. Докопавшись, склонившись над единственным остатком и только тогда обомлев. Зажимая руками рот, издав скудный еле слышимый писк, над лиловым кусочком скрученной кисти.

Грянет ветер, раскаты грома и крохотный дождь. Срывая с головы Элизы платок. Девушки, что за свою непродолжительную сознательную жизнь уже видела и знала достаточно много. С сухими глазами, ибо последние слёзы давно пролеты по друзьям, которых она никогда уже не встретит в жизни. По близким людям, к которым она не сумеет прижаться, глупо рассуждая за жизнь. За всех тех, кто пострадал в мясорубке прозванной войной. Но не достаточного, для одного революционного действия. Привстав на колени и потянув за застрявшим меж камней платком рукой, сжимая пальцами гладкую выскальзывающую ткань, из ниоткуда в ладонь залетит хилая листовка.

Это Призыв. Молодой, немногочисленный, добровольческий. Гражданская самоорганизация, занимающаяся оказанием помощи обездоленным.

– Всё верно. – утвердит вслух свой выбор Элиза. – Ровно столько, сколько я смогу.

Прекрасный новый день

О этот дивный, невероятный новый день, настал! Извиваясь в улавливаемых помехах транслируемой музыки и утренних разговорных передач, сквозь сонное дрёма, Якоб кое-как различил приветственные слова любимой передачи. Его веки приоткрылись, при виде зелёной палитры цвета табло, безжалостно резанув по радужке глаза. Лениво смахивая рукой антенну приёмника, частота более-менее самостоятельно выровнялась, позволив диктору высморкаться в прямом эфире и севшим голосом зачитать: “Сейчас, ровно восемь утра. И я – Влад Чореску, приветствую вас в греющих лучах Маяка Свободы!”.

– За ночь. – Якоб прислушался к известиям от любимой радиостанции. – Наши бравые лётчики, осуществили пять авианалётов. – мальчишка сжал кулаки, не пропуская ни слова. – Позиции предателей подверглись массивированным ударам из ствольной артиллерии, выпустив порядка шестисот снарядов.

“Да, так их!” – взревел Якоб. Аж подорвавшись с постели и задев рукой прикроватную тумбочку, к счастью, успев подхватить до касания с твёрдым полом устройство, что не в состоянии функционировать без электропитания и радиоизлучения. Удерживая вес хрупкого пластика всего тремя пальцами и продолжая внимать информации:

– Пятая пехотная дивизия перешла в наступления, и уже к теперешнему часу вещания, намертво вцепившись в линию обороны противника. Мы будем освещать... – сигнал издал неприятный звук, решил пропадать.

Паренёк тотчас принялся крутить колёсико частот, вертя антенну то туда, то сюда. Не взирая на всевозможные попытки, эфир в итоге забился пустыми частотами, а сигнал исчез.

“А я так надеялся” – произнёс Якоб, плюхнувшись обратно в постель.

Встав на его место, можно было сразу ощутить всю досаду от случившегося – неполноты картины мира, а именно количества вражеских потерь. Причинённых разрушений, числа населения, оставшегося без крыши над головой или отнятых жизней.

“Ничего, я уверен. Уж мы то им ещё зададим!” – в независимости был Якоб удовлетворён утренними новостями или нет, всегда оканчивая этой фразой еженедельное прослушивание трансляции.

За окном, вроде загремело, донёсся рык моторов и лязганье гусениц, с удивительно равномерным топотом. Паренёк, не обратив никакого внимания на домашних, каких-то там желаемых слов “утра”, тараном распахивая двери соседней комнаты, немедля бросится к окну. Отличным видом экспонируя главную проезжую часть, где от шума моторов грузовиков, сигналов легковых машин и извечной вони топлива, становилось невозможно спать или проводить всяческий досуг. Правда в этот раз не закрыв, а наоборот – отперев ставни. Вдохнув воздуха, да как вскрикнув что-то радостное, размахивая руками и свистя. Если вырабатываемый шипящий звук, можно назвать свистом. Обращая свои действия в поддержку, там внизу продвигающейся на марше армии.

Танки, пушки, пулемёты, пехота. Трескотни гусеничных траков, колёс тягачей и воинского клика. Белолицых солдат в сверкающих тёмных касках, что тянут носок, чеканя шаг. Каждый в руке сжимает самозарядную винтовку, побивая прикладом по толстому металлическому листу накладки. Разом, горделиво повернув головы влево и слегонца задрав, отдавая честь.

“Это наши!” – воскликнул Якоб.

Его начинания поддержали обитатели соседнего дома, а конкретно второго и четвёртого этажей, так как остальные жильцы в это время давным-давно находились на работах. Ликую-

щая на улице толпа подбрасывала в воздух белоснежные цветы, потом падающие на плечи и каски марширующих.

“Молодцы, молодцы, молодцы!” – почти каждый из собравшихся прохожих и жителей домов скандировал, хлопая в ладоши. Среди них, кто так же откровенен в своих чувствах, часто пересекаются понимающими друг друга взглядами. Одни желают скорейшего окончания войны, другие победного продолжения, а третьи, что, как не странно большинство – с пустыми сердцами и не менее пустыми головами, дабы не мешало истинно звериным утехам, по истреблению ближнего своего, молчаливо принимали политический курс. Они уже давно, не то, что отдались, а именно стоят у истоков. Самолично сотворив природу пассивно агрессивного большинства, где они более не желают знать иной точки зрения, кроме той, что наиболее для них удобна и полезна. Активно вступая в полемику, отмахиваясь, когда в ход со стороны оппонента идут аргументы и переходя к угрозам.

Насытившись бряцанием устаревшего оружия, они прильнут к местам досуга. Включая телеприёмники, вкушая отборную пропаганду и желая: вот тому – лучи добра, а тому бед. Как уже должно быть понятно, от них не сильно отличался и Якоб, и даже часть его окружения. Взахлёб, с удовольствием, уже позже, днём, слушая предположительные потери Конфедеративной стороны. В потоке информации, ему более всего нравится внимать о количестве погибших гражданских. Обстреляна остановка, разрушен жилой массив или уничтожен гражданский транспорт... Якоб вскакивает. Руки дрожат, а пальцы сжаты в кулаки, всё тело напряжено, то вслух, то про себя промолвив единственную и всегда оправдательную мантру: «Поделом! Ведь они предатели. Все, каждый до единого отступники».

В нынешнем этапе развития общества по иную грань колючей проволоки, а также собственной недалёковидности, юноша относился к ещё одной, ранее неописанной прослойке населения, так бредящей сгинуть в войне. Личности, что уже с месяц имеет оконченное среднее образование, однако ни на йоту не понимающего перспектив, стать очередным перегибом. Сбросить последнюю рубаху, обменять имя и фамилию на потёртый жетон с выбитыми там цифрами, а бесценную жизнь и главное жизнь остальных, на – пистолет-пулемёт. Если не погибнуть, то стать калекой. Изуродованным физически или морально, никогда не посмеет задать самый каверзный, для вышестоящих должностных лиц, что посылают гружёными составами на эту войну людей, вопрос: а зачем, мне всё это?

Прямо сейчас, таких, как Якоб изменить нельзя. Взросших на словах злобы более старших и многочисленных телевизионных передач. Потому-что, кроме всеобщей гибели, им предложить нечего: – “И если мы будем проигрывать, то уничтожим весь мир!”.

Показательно громыхнули гаубицы, следом за ними по дорожной полосе, разрушая покрытие, пошли сверхтяжёлые танки с широкими башнями по три ствола. Позади танков, начищенная до блеска лёгкая пулемётная гусеничная техника и наконец тягачи. Истинные, если можно так выразиться колоссы. Эти упрямые машины, на своих могучих крепежах, демонстрируют новейшее оружие Демократического Альянса.

Объёмные снаряды, где в хвостовом отделении, помимо четырёх пар крыльев, присутствует автономный двигатель. Работая на едком соединении, чья аббревиатура сокращена до исключительной буквы “Ф”, разгоняя жуткое, как по звуку полёта, так и разрывам орудие, быстрее всех известных моторных самолётов.

Чьё главное назначение, не поразить цель, а – причинить наимасштабнейший ущерб. Повергнуть к наигубительнейшим последствиям, разнося в пух и прах назойливое строение, дерево или холм, коему не свезло оказаться на линии осмотра местности командирским биноклем. Отражаясь в линзах сотнями всплесков, огненных грибков, фонащих кратеров. Очередной офицер, пришедший на смену неоправдавшегося надежд и впоследствии расстрелянного

генерала, ударит по столу. Его множественные незаслуженные ордена, да медальки взбрыкнут, одна покатится по столу, остановившись посередине. Произведён удачный во всех смыслах запуск. За этим, они ликуют.

Дверной звонок чирикнул. Разменивая количество из пяти возможных мелодий, в каждые семь секунд. Впрочем, Якоб не спешил. Он умышленно дожидался, когда же наконец запоят его любимые восьмибитные птицы прежде, чем не торопясь добраться до двери и потянуть за ручку. Полностью проигнорировав и не ответив на прямой вопрос взволнованной матери, дверь скрипнула, впуская в квартиру, прокуренную прохладу подъезда, а за ней, своего рода встречу. Можно сказать, по любому: сговор, сходка, явка или встреча. Своего рода запланированное посредством телефонной линии и четырёх лиц мероприятие. Провести оставшиеся деньки в кругу тех, кто, как казалось Якобу, понимали его лучше всех на свете. По крайней мере пытались. По крайней мере изображали это. А разве не о подобной ли удобной жизненной иллюзии мечтают многие?

В их планах, не прослеживалось какого-то бы ни было отчётливого порядка действий. Пустое шатание, разговоры о том, о сём. Когда же дойдут – подбежать, удивиться размахом, после попытаться преодолеть.

– Ну что. – начав шёпотом, просунул нос в дверную щель Вит. – Железно, а?

Он живо огляделся, лишний раз убедившись, что тыл крепко прикрыт, и никто не сможет подслушать:

– Все дали слово. Остался только ты один. Если не струсил, то идём прямо сейчас.

В настоящее время будучи уже бывшим одноклассником Якоба, Вит являлся единственным из всей компанейской четвёрки, кто, собственно, и инициировал рискованный поход. Его семья даже по нынешним меркам всеобщего недостатка-дефицита и царящей депрессии жила обеспеченно. Со дня на день, полагаясь на связи отца в бывшем могущественном государственном аппарате, переехать куда подальше, в тыл. И пока у Вита допустима такая возможность – играя на запретах, вседозволенности занятых взрослых и любопытстве. Посмотреть всего одним глазком, один раз, что в той же мере не давало покоя и Якобу.

Пока длилась текущая беседа, а точнее тривиальное подтверждение слов, за углом лестничной клетки, окончания ожидали ещё два приятеля Якоба: Кей – сын местного чиновника, чья улыбчивая фотография с лопатой выше роста молодого человека, светила в каждом первом выпуске, зазывая население города на “праздник уборки”. Возможного в будущем представителя городской власти, учась, как следует заделывать дыры в асфальте, разукрашивая их разноцветными мелками в виде лепестков цветков. А бытовые проблемы населения касательно обогрева домов, подачи электроэнергии чаще, чем два раза в день – концертами;

Теми – не отличающийся от большинства горожан среднестатистическим социальным положением и худоватым телосложением, по сути, не мог похвастаться ничем. Он часто вспоминал своего двоюродного брата, что ещё со времён первых боестолкновений отправился воевать добровольцем, но так до сих пор и не дав о себе весточку. То ли жив, то ли давным-давно погиб. Кто может знать, когда суды отказывают в прощении признать умершим, а комиссариат в сведениях. Бахвался его мужеством и заверяя, что с честью продолжит данное дело.

Кей внеочередной раз вздохнёт, заткнёт указательным пальцем доставляющее неудобства от давно прошедшей простуды ухо, вслед за этим опёршись ладонями рук о стену подъезда. Он ни в коем случае, не желал ненароком запачкать купленную новёхонькую, модную лёгкую куртку, со сверкающим лейблом в виде трезубца, опущенного вниз, подёргивая верхушку продольной молнии. В это время, Теми вовсю продолжал усердно пинать воздух, перетаптываясь с ноги на ногу, выдавая собственную нервозность, пока к нему не обратился Кей:

– До сих пор никаких вестей? Люди... они говорят, что всё обстоит крайне напряжённо.
– Нет. Ничего. Точнее есть... Вот так, посреди рабочего дня к моей маме в магазин заходит один в форме, а потом сугубо ей в руки передаёт крохотный конверт.

– И что же здесь такого?

– Он его зачитывает: “С прискорбием сообщаю, что ваш сын погиб. Приказом командования ему посмертно присуждена медаль за мужество.” Внутри цветные фотографии, часы, накарябанное дрожащей рукой письмо... медаль. И это всё, что остаётся от человека? Горстка воспоминаний, с перекатывающейся из стороны в сторону железкой?

Якоб качнёт головой, прикусит нижнюю губу, а после испутив воздух сказанув – “Угу”. Для Вита, это более чем достаточно, ибо теперь пути назад нет. Нечаянно из гостиной комнаты заиграет телеприёмник. Якоб зараз распознает грозную мелодию призывной рекламы и в настоящий момент до конца отворив дверь, махнёт рукой, приглашая компанию во внутрь. Все вчетвером завалятся на диван, раскрыв рты поглощая информацию с иллюстраций.

Стукнули барабаны, задули трубы, в примеси различных духовых инструментов, смешиваясь с военным маршем, из экрана на них решительно смотрел человек в толстой непромокаемой униформе с натканными бронепластинами. Сжимая в руках ручной пулемёт с двойным дулом и барабанным магазином позади рукоятки, сквозь толстые линзы каски-респиратора, на зрителей устремлены два карих нарисованных глаза. Пока идёт музыка, над демонстрируемым пулемётом, возникает жирный красный шрифт с исключительно заглавными громадными буквами на полутёмном фоне:

“Я, доверяю Демократическому Альянсу.”

По длине ствола, будто в пламени выпускаемой пули, высветилась следующая:

“Будь добровольцем!”

И наконец самой последней, соединяющей будущие три завета, возле правой руки, поддерживающей ствольную коробку. Ударив пылью анимированной печати, стоило её оторвать проявилась конечная надпись:

“Это твой долг, поддержать своих боевых товарищей в борьбе с предателями.”

Фон засиял широкими лучами, стоящий до этого непревзойдённо выполненный с дизайнерской точки зрения смиренный солдат, двинул рукой. Накрепко удерживая затвор, он оттянул его до предела, после разжав пальцы отпустил, позволив автоматике с желаемым треском доставить патрон из барабана. Музыка ударила вторично, общий фон изменился едва ли немного, но зато сменив содержание экспозиции, где теперь в строю по четыре ряда, в полном обмундировании, отдавали честь менее технологически продвинутые бойцы. Пускай и скромнее представленные, их суммарное количество не поддавалось подсчёту, демонстрируя зрительную иллюзию стоящих друг за другом в каждом ряду, а за ними ещё и ещё, и ещё. Будто в самую бесконечность, до бесконечности преданных делу с серьёзными лицами людей. Они призывают тебя, приглашают встать рядом с собой, разделив знания воинского искусства и боевое знамя. Вокруг них немедленно завязывается бирюзовая ленточка, облекая от колен и до лодыжки, на глазах печатая знакомым шрифтом и размером озвученный с десятков голосов текст:

“Мы сражаемся за Демократический Альянс”.

В неосязаемом пространстве, ниже сапог присутствующих рядов солдат, проступил окончательный рекламный текст:

“Теперь твоя очередь вступить в ряды вооружённой армии Демократического Альянса. Вместе, мы покончим с растлевающим наш народ анархическим деспотизмом предателей.

Всего один верный шаг для тебя и будущие горизонты всех нас.

Мир – Правда – Сила.”

Разливаясь свирепой музыкой, вслед за увиденным и услышанным Якоба, как и, наверное, остальных приятелей, охватили необузданные эмоции. Переполненные чувства в сознании паренька, переносили его в кожу того могущественного солдата из первого пропагандистского рисунка-иллюстрации. Как бы сильно ему хотелось оказаться на том месте. Пускай и на недолгий срок, минут каких-то двадцать, где только он, со своим верным оружием и полчища врагов.

Существуя в воображаемом мире, Якоб под шквальным пулемётным огнём и разрывами гиперболических мин взбирается на возвышенность, сильнейшим усилием каждой мышцы, водружая боевое знамя. Он в ярости орёт, пули мелькают по сторонам дырявя символ, пока Якоб на ходу ведёт автоматической огонь по взбешённому от такой наглости недругу. Скашивая толпы, закидывая термические гранаты в прорези дзотов и врываясь во вражеские траншеи. Развернётся, дабы поднять руку и дать знак, что он возглавит атаку, но одна единственная шальная пуля умудряется не попасть в крепкий заслон из броневкладок. Не ricochetит, не оставляя вмятины, а напрямик промеж них, впиваясь в плоть, где-то в области груди. Он упадёт, поистине получив ни с чем не сравнимый удар. Будет корчиться в невозможности встать, опереться на руки, прикрывая место ранения и всё же не сдаваясь, а продолжая вести огонь. Ради себя, родных, друзей и всех остальных, соберёт остатки сил и тем не менее подымится. Раз и навсегда, закончив эту войну!

Так представлял себе всё это Якоб. Как хорошо быть, молодым, преданным и... Пока не представляющим реального положения дел на войне. Бессмысленных атак, криков раненых, вони тел и рек пролитой крови. Когда, ты ещё даже не успел вступить в бой, ни разу не видя врага, будучи сражённым с метров трёхсот – пятисот пульей снайпера. Твоё тело падёт, а конечности забьются в конвульсиях, беспрестанно откашливая льющуюся изо рта кровь. А позади в это время идя следующей волной атаки, что подобно предыдущей захлебнётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.